
ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА

Н.В. Елисеева

DOI: 10.7256/2070-8955.2013.04.3

ПОГРАНИЧНЫЕ СИТУАЦИИ В ЭКЗИСТЕНЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности современных пограничных ситуаций в экзистенции, прослеживается раскрытие термина «пограничная ситуация», введенного К. Ясперсом. Сопоставляются позиции экзистенциалистов Н.А. Бердяева, Л.И. Шестова, М. де Унамуно, Ж.-П. Сартра, В. Франкла, Э. Фромма. Делается вывод о том, что пограничная ситуация в экзистенции является вызовом личности, пробуждением его эмоционального мира через переживание страдания, условием становления человека и проверкой его ценностей, характера и воли.

Ключевые слова: психология, пограничная ситуация, экзистенциализм, переживание, становление, принятие страдания, личность, экзистенциальная коммуникация, ценностный выбор.

«Человек плывет в Боге, не нуждаясь в доске, и единственное, к чему я стремлюсь, — выхватить у тебя эту доску, чтобы оставить один на один с самим собой, внушить тебе мужество и сознание, что ты плывешь... Людей нужно бросать посреди океана, выхватывая у них какую бы то ни было доску, чтобы они учились быть людьми и плавать».
(Мигель де Унамуно)

Человеческое бытие всегда имеет относительные границы; тема пограничной ситуации — ключевая для экзистенциализма. К. Ясперс рассматривал отдельные её проявления: это борьба, смерть, вина, страдание, испытание с непредсказуемым исходом. Эти состояния побуждают человека найти опору в своих собственных сущностных силах, заставляют обращаться только к себе, лишая его посторонней помощи и спасения. Это стимулы для активного действия и саморазвития, хотя они же могут послужить причиной психических травм и разрушения личности. Пограничные ситуации — такие, в которых человеческая экзистенция познает себя как нечто безусловное. «Мы всегда в ситуации. Я могу работать, чтобы изменить её. Но существуют пограничные ситуации, которые всегда остаются тем, что они есть; я должен умереть, я должен страдать, я должен бороться, я подвержен случаю, я неизбежно становлюсь виновным. Пограничные ситуации наряду с удивлением и сомнением являются источником философии. Мы реагируем на пограничные ситуации маскировкой или отчаянием, сопровождающимися восстановлением нашего самобытия»¹.

В философской традиции такие ситуации прежде рассматривались как случайность, недостаток существующего миропорядка; предполагалось, что можно его улучшить — картины будущих утопий, в которых борьба и страдание упраздняются, были идеальным фантастическим решением. Экзистенциалисты же приняли страдание как основу и определение сути человека, показали его неизбежность и неустрашимость. О неизбежности страдания в становлении человека писал, например, Н.А. Бердяев: «...болезненность, эту жестокость начала всякого движения должен принять всякий, кто не хочет вечного застоя и покоя, кто ищет развития и новой жизни. Жесток и болезнен переход от патриархального строя жизни к иному, более сложному строю, в котором подымается личное начало, до того времени дремавшее. Болезненно и жестоко всякое нарушение первоначальной целостности и органичности. Просыпающаяся, подымающаяся и сознающая себя личность всегда жестока в отношении к окружающей её среде и господствующей в ней системе приспособления, она не может не причинять боли. Как много жестокости и боли бывает при всяком разрыве личности с семьёй, которая давит своей системой приспособления! Как много жестокости и боли бывает во всякой борьбе за ценность, которая ставится выше блага! <...> Безболезненно оставаться в покое и бездвигности. С точки зрения сострадания к людям и человеческим поколениям, боязни боли и жестокости, лучше оставаться в старой системе приспособления, ничего не искать, ни за какие ценности не бороться. Жестокость сопровождает всякое зачинающееся движение, всякий разрыв, предшествующий творчеству»².

---

¹ Ясперс К. Философия. Т. 2. Просветление экзистенции. М.: Канон+, 2011. С. 62.

---

² Бердяев Н.А. О жестокости и боли // Судьба России. М.: Эксмо, 2007. С. 196.

Принять трагедию ежедневной жизни призывал Л.И. Шестов. Он писал о том, как много готовы люди вытерпеть боли и страдания, и на какой риск готовы пойти хотя бы ради мгновения или только призрака счастья, — и о том, что избавить народ от страдания всегда мечтали именно философы и идеалисты, далёкие от реалий жизни этого самого народа. «Идеалы о курице к воскресному обеду и всеобщем счастье выдумывались всегда учителями, учеными людьми. Оттого, вероятно, они никогда и не будут осуществлены, хотя оптимисты и полагают, что их царство близко. Уже то обстоятельство, что стали возможны учителя вроде Достоевского и Ницше, проповедующие любовь к страданию и возвещающие, что лучшие из людей должны погибнуть, ибо им будет всё хуже и хуже, показывает, что розовые надежды позитивистов, материалистов и идеалистов были только детскими грёзами. Трагедии из жизни не изгонят никакие общественные переустройства и, по-видимому, настало время не отрицать страдания, как некую фиктивную действительность, от которой можно, как крестом от чёрта, избавиться магическим словом «её не должно быть», а принять их, признать и, быть может, наконец, понять»³.

Пограничная ситуация — это неизбежный выбор себя, который человек вынужден делать в одиночку, решающий момент его личного становления. Без неё невозможно определить существо человека. Речь идет о ситуации тупиковой, предельной, когда уйти от выбора нет никакой возможности, и он должен осуществиться *здесь и сейчас*. Пограничным ситуациям в философии экзистенциализма свойственны именно эти черты: неизбежность, неотвратимость, полное разрушение привычных норм и ориентиров, потеря любой опоры. В ряде примеров, которые я приведу, уход от выбора означает смерть — тогда, когда жизнь не мыслится ни с одним из решений, потому что все они отрицают фундаментальные ценности конкретного человека. Двумя другими исходами ситуации пограничного выбора может быть отказ от себя прежнего и принятие личной миссии через внутреннее перерождение, либо отказ от действия, приводящий к эмоциональному онемению и глубокой апатии. Как ни странно, самым рискованным «пограничным» выбором для каждого из нас в ежедневной жизни может оказаться решение быть честным с собой и другими в собственных чувствах, и попытка говорить всем существом с другим человеком. К. Ясперс подробно исследовал условия подлинной, экзистенциальной коммуникации, и описал трудности, которые встретят человека на пути к настоящей бли-

зости. Чтобы пробиться к другому, оставаясь открытым, от нас требуются немалое мужество и смелость: «Из-за возможности неверного понимания я рискую в откровенном вступать в недостойные ситуации: я сообщаю о себе и остаюсь без отголоска. Меня вместе со сказанным и сделанным мною презирают, осмеивают, а потом снова используют, и я живу в нанесенном на меня извне образе, который не есть я. Я рискую быть назойливым, я задеваю другого: душевная близость никогда не возникает без одного мгновения этого риска недостойной ситуации. Ибо тому, кто не расточает себя и не узнает однажды, что должен со стыдом отступить, едва ли когда-нибудь удастся экзистенциальная коммуникация. Робкая дистанция, хладнокровно сохраняемая при любых обстоятельствах, никогда не откроет пути от человека к человеку»⁴.

Р. Лэинг говорил об онтологической неуверенности человека в современном мире: мы убегаем в социальные роли и статусы, нигде не присутствуя полностью, всем своим существом, и потому не получаем полного отражения в других. Образы «я для других» и «я для себя» могут быть у одного человека совершенно разными, никак не совпадая в реальности. Фальшивая «неподлинная» жизнь отличается от подлинного проявления личности отсутствием идеала и воли, и, по словам Мигеля де Унамуну, делает людей жертвами социального конформизма: «легко управляемые и руководимые, все эти сумеречные персонажи... не являются личностями и не обладают реальностью внутреннего содержания». Вся жизнь человека может быть направлена не на раскрытие своего потенциала, а на то, чтобы обезопасить себя от страданий и потерь, и часто мы хотим просто обойти проблему, не проявляя ни характера, ни убеждений, ни даже лишних эмоций при обращении к собеседнику. Проживаем жизнь, оставаясь загадкой для самих себя, не узнавая своих возможностей, стараясь не покидать зоны комфорта и безопасности. При этом избегание вызова, уход от страданий, трудностей и поиска своего пути — это уход и от чувств, от полноценного проживания жизни. По В. Франклу, результатом такого избегания может стать экзистенциальная фрустрация — бесчувствие, паралич души. Чтобы узнать, кто ты есть, нужны переживания и трудности. Человек в итоге раскрывается несчастьями, катастрофами и тупиковыми ситуациями, из которых нет выхода, только в такие моменты он может узнать глубину своей сути. Экзистировать — значит страдать, ни на кого не перекладывая ответственности; принимать свою судьбу, осознавая хрупкость и бессилие отдельного человеческого су-

³ Шестов Л.И. Достоевский и Ницше. Глава XXIX [Электронный ресурс] // <http://philosophy.ru/library/shest/dost/30.html>.

⁴ Ясперс К. Философия. Т. 2. Просветление экзистенции. М.: Канон+, 2011. С. 82.

щества. Жить, не уклоняясь от переживаний. В этом отношении примером подлинного экзистенциального выбора можно считать жизнь Григория Соломоновича Померанца, на долю которого выпали война, лагеря и потеря близких; пройдя через все потрясения, он стал философом. Сама реальность помогала людям в годы войны и репрессий выковать волю, воспитать характер и выдержать страшную боль потерь, утверждая ценности человеческого достоинства.

В мирное время такой размах и глубина переживаний — судьба немногих. Это напоминает о сюжете фантастической повести, в которой человечество придумало способ обезопасить себя от войн и страданий, изобретя напиток, подавляющий природную агрессию и волю к власти. Ушла всякая опасность — но исчезли и проявления героизма, и опыт проживания конфликта с самим собой. Для современного поколения самым доступным опытом, пожалуй, остаётся спорт — просто и прямо позволяющий пережить любую степень риска для жизни, испытать силу духа и расширить границы собственных физических возможностей. Узнать свой предел и ощутить романтику самопреодоления можно, например, в парусном спорте и альпинизме. Конрад Анкер, ведущий американский альпинист, описывал свой опыт восхождений словами экзистенциалиста: «Не нужно пытаться избежать страданий — страдания и есть наша жизнь. С самого рождения люди ищут защищенности и комфорта, но этого невозможно достичь. Только в борьбе с предельными обстоятельствами ты начинаешь понимать условия человеческого существования». В горах каждый человек сталкивается с невозможным, со смертью, с непреодолимым страхом, абсолютной беспомощностью человека перед лицом стихии; он целиком зависит от силы своей воли и мужества напарника.

В парусном спорте полный набор испытаний получают участники профессиональных кругосветных гонок, уходящие в море на большую часть года. Несмотря на опасность и трудности, на тяжёлые условия Атлантики, один из участников такой гонки считает, что моряки выбрали как раз более простую и понятную долю «вечного странника»: «Многие, скорее, убегают в этот пиратский мир — социальная жизнь в обществе слишком сложна, требует времени, усилий и долгого обучения профессии, в которой надо ещё состояться. На море всё понятно, остаётся просто *выживать физически*. Сошёл на берег ненадолго — а потом опять в море, человек живёт чувством ностальгии и романтики. И там не нужно о себе говорить: без слов видно, кто из чего сделан — смог человек побороть себя и свой страх или нет. И если смог — к нему больше нет никаких вопросов».

Эти истории приводят к теме масштаба личностного выбора: какую зону ответственности человек будет считать своей, что и кого он в неё включит? Какие ценности он будет защищать, что для него дорого? Для меня пограничные ситуации заключаются в том, что ставят перед человеком проблему выбора и определения масштаба собственной личности. Рискующие жизнью спортсмены-романтики могут делать выбор только за себя; те же, кто включает в свою внутреннюю зону семью, могут оказаться в критической ситуации, когда не остаётся другого выхода, кроме того чтобы переродиться, создать себя заново. С такой проблемой самоидентификации столкнулся, например, русский врач, эмигрировавший в США двадцать лет назад с женой и ребенком: «Моей дочери в тот момент было восемь лет, мы с женой уже сделали профессиональную карьеру, и я был твердо уверен, что смогу найти работу по своим запросам — но оказалось, это невозможно без сдачи местного медицинского экзамена. Самонадеянно считая, что сдам его с легкостью, как состоявшийся врач, я не особенно готовился — в итоге вынужден был пересдавать снова и снова, каждый раз объявляя о своих неудачах в семье и на работе. Мои коллеги давно сдали экзамен и уже ушли вперёд. Это был самый неприятный момент в жизни: я не соответствовал тому, что сам о себе говорил и кем представлял себя в глазах окружающих. Объективные критерии говорили: «не состоялся». И тогда я подумал: неужели *вот таким* мужем и отцом я буду? Чему же тогда я смогу научить собственного ребёнка? Пришлось смириться с собой и в 35 лет опять «сесть за парту». Отступить было некуда — я обязан был сказать другим, кто я такой». В подобной ситуации то, что вызывает распад Я, стимулирует и *решимость действовать*, стать кем-то. Создать свой порядок среди жизненного хаоса, вместо того, чтобы сдаться.

Если человек объединял свою личную миссию с миссией государства, разрыв между желаемым и реальностью мог оказаться намного глубже — особенно на рубеже прощания с эпохой Советского Союза. Те, кто видел, сколько ценного могла выполнять и выполняла для людей государственная машина, вынуждены были осознать утопичность идей «социальной справедливости» с приходом перестройки. Мой отец к тому моменту был главным режиссером детского театра кукол: театр лишили госдотаций и потребовали самоокупаемости; для сокращения расходов — увольнения половины сотрудников; иногородних актеров выгнали из общежития, потому что теперь за него надо было платить, и папа в итоге поселил их в сыром подвальном помещении театра. «Как на войне» — говорил он. Дошло и до того, что он отбивал помещение от бандитов — заодно увидев полное бездействие сотрудников милиции.

Считал себя лично обязанным обеспечить своим подчиненным (а еще хорошо бы — всем пенсионерам) достойную жизнь, но не мог; торговаться с чиновниками и давать взятки он так и не научился. Его возмущало бездействие государства, безнаказанное установление нищенских пенсий и зарплат, и приводило в ярость чувство собственного бессилия. Отец всегда боролся, но в помощь верить перестал; театр в итоге выжил, а его руководитель и защитник — не выдержал прихода новой реальности, которая уничтожила все прежние понятия о праве, уважении к труду и к человеку. Алкоголь стал способом долгого самоубийства, но отец и здесь не отступал; актеры смогли его «вытащить» только один раз, заранее развесив афиши с датой премьеры еще не готового спектакля. Когда папа увидел своё имя на листах афиш, крупными твердыми буквами рядом с названием пьесы, чувство личной ответственности не позволило допустить провала — он собрался и смог закончить работу, доведя репетиции до премьеры. В его жизни постоянно висел дамокловым мечом этот пограничный выбор: влиться в новую реальность, выломаться, перестроиться или остаться собой. Как капитан корабля, он смог удержать на плаву своё судно и сплотить команду; как человек, живший идеями социальной справедливости, он проиграл — потому что его страна проиграла... Таким же образом проиграл дон Румата в романе «Трудно быть богом», приняв миссию земляк как личную. Хрупкость и незащищённость человека в мире всегда напоминает о том, что и подлинность своего проявления — не сила! Подлинное существование терпит крушение и ни на что во времени не может повлиять, умирает неизбежно. Воплощает такой образ человека на все времена — Дон Кихот.

Вспоминая время сталинских репрессий — и ещё один пример пограничной ситуации — можно вспомнить историю Вики Люберецкой в фильме «Завтра была война», когда отца Вики объявили врагом народа и потребовали её отречения. Она не смогла сделать этого и покончила с собой, только таким выбором сумев защитить истину. Это личная история на фоне мировой катастрофы — войны, фашизма, лагерей смерти, когда пограничная ситуация проживалась миллионами людей каждый день. Тогда пограничную ситуацию определяла борьба за ценности, о которых писал Н.А. Бердяев: «Ценность чести, национальной и личной, выше благополучия и покойного удовлетворения. Достижения жизни исторической, решения мировых задач выше достижений жизни замкнуто-эгоистической, личной и семейной. Без такого сознания не может быть закала народного характера. Если в народе побеждают интересы покойно-удовлетворенной жизни современного поколения, то такой народ

не может уже иметь истории, не в силах выполнить никакой миссии в мире»⁵.

Во время войны у людей не было выбора — они вынуждены были бороться. И на этом фоне почти пророчески звучат слова Н.А. Бердяева, обращённые к мирной эпохе: «Современные люди, изнеженные, размягчённые и избалованные буржуазно-покойною жизнью, не выносят не этой жестокости сердца человеческого, — сердца их достаточно ожесточены и в мирной жизни, — они не выносят жестокости испытаний, жестокости движения, выводящего из покоя, жестокости истории и судьбы. Они не хотят истории с её великими целями, хотя её прекращения в покое удовлетворения и благополучия. И вот эта боязнь жестокости и боли не есть показатель духовной высоты»⁶.

Случается, что на грань жизни и смерти ставят человека события совсем другого масштаба. Пограничная ситуация — и отказ от выбора самого себя — это история Нила Пэрри в фильме «Общество мёртвых поэтов». Подросток, сын небогатых родителей, которым удалось отправить его в престижную школу ценой многих усилий и жертв, случайным образом попадает в театральную студию. Там он переживает настоящий переворот, чувствуя, что нашёл своё призвание, он хочет избрать на всю жизнь путь актёра — но Нил оказался не способен защитить свой выбор перед лицом отца. Это означало бы предать планы родителей на будущую обеспеченную жизнь единственного сына, на его блистательную карьеру всеми уважаемого юриста или адвоката. Учитель литературы, пробуждающий в студентах интерес к их собственной сути, их подлинным глубоким чувствам и предназначению, предупредил Пэрри о том, что единственным вариантом остаётся принять экзистенциальный вызов и объявить отцу о своем выборе: «Если ты ему ничего не сможешь сказать, значит, ты тоже играешь — роль послушного сына, как он — роль заботливого отца. Значит, ты не хочешь быть собой... А если ты действительно хочешь быть актёром, ты ведь сможешь оставить школу и пойти работать...» — Пэрри мучительно стонет: «Нет, нет...». Он до последнего пытается скрыть от отца свои занятия в театральном кружке, так и не решившись на защиту *себя настоящего*. Ему не хватает мужества принять выбор и отстоять его, но выйти из ситуации, ничего не решая, нет никакой возможности — и тогда он обрывает свою жизнь выстрелом в голову из отцовского пистолета.

Вопрос о самоубийстве как «безусловном действии» личности поднимался К. Ясперсом, когда он исследовал причины подобного поступка. Он подчёркивал главное:

⁵ Бердяев Н.А. О жестокости и боли // Судьба России. М.: Эксмо, 2007. С. 198.

⁶ Там же. С. 199.

опасность для человека в том, что он может «сорваться и оказаться ниже собственной сущности»⁷. «К срыву приводят неизлечимая болезнь, недостаток средств и полная изоляция человека в мире: «Это граница, на которой сохранение жизни уже не может быть более долгом: если процесс становления самости уже более невозможен, физическое страдание и требования мира становятся до такой степени уничтожающими, что я уже не могу оставаться тем, кто я есть; если хотя не отказывает смелость, но исчезают силы, а с ними и физическая возможность; и если в мире нет никого, кто мог бы любя поддержать моё существование. <...> Совершенно одинокий, кому те, кто ближе всего ему в существовании, ясно дают понять, что они живут в других мирах, — кому закрыт путь к любому осуществлению, — если он, в спокойствии и зрелой решимости, и после того как приведены в порядок все земные дела, лишит себя жизни, — он может сделать это, как будто он приносил себя в жертву; самоубийство становится тогда последней в его жизни свободой. В нём есть доверие, в нём он спасает чистоту, не причиняет вреда ни одному живому человеку, не разрывает никакую коммуникацию, не совершает предательства. Он стоит на границе невозможности осуществлений, и никто ничего не теряет»⁸. Другой стороной проблемы, о которой писал К. Ясперс, остаётся вопрос об эвтаназии — когда родственникам приходится решать судьбу своих безнадежно больных близких. К этой теме обратился и М. Ханеке в фильме «Любовь», показав пограничную ситуацию пожилого супруга, который должен был позаботиться об умирающей жене.

Как узнать, какой выбор правильной, какой — важнее? Как нужно было поступить? Описывая ситуацию выбора, я каждый раз сталкиваюсь с тем, что экзистенциальная ситуация непередаваема, если ты не прожил её сам. Описывая фабулу, подбирая слова-трактовки, я уже по-своему кодирую смысл происходящего. А ведь у каждого в подобной ситуации была бы «своя правда» и свои уникальные переживания. Может быть, любая помощь другому в уходе из жизни — недопустима и преступна. Может быть, отец Нила, решившегося на самоубийство — вовсе не бесчувственный тиран, а последовательный и твердый любящий отец, стремящийся оградить сына от слепого эмоционального выбора. Он ведь хотел для него только лучшего, надёжной опоры. Может, Нил не жертва чужой жестокости, а слабохарактерный подросток с незрелым решением, которое он не способен был даже высказать? И его самоубийство — тот случай, как сказал бы

Ясперс, когда «без экзистенциального сознания человек отбрасывает свою жизнь прочь из аффектов упрямства, страха или мести, в неопределённом, не доведённом до полной ясности бегстве»?

Зачастую двойственность героев разрабатывается как приём — «смелый трус», «честный подлец», «жалостливый убийца» — и хорошо раскрывается в литературных примерах. По героям «Дуэли» А.П. Чехова можно отследить, сколько граней, иногда несовместимых-разных, демонстрирует почти каждый персонаж. Фон Корен, принципиальный «санитар человечества», и «плохой хороший человек» Лаевский сходятся в абсурдной дуэли — по сути, только для того, чтобы последний смог пережить нравственное перерождение. Только перед лицом смерти, в пограничной ситуации *определения себя*, Лаевский перестаёт убежать от правды:

«Что в моем прошлом не порок?» — спрашивал он себя, стараясь уцепиться за какое-нибудь светлое воспоминание, как падающий в пропасть цепляется за кусты. Гимназия? Университет? Но это обман. Он учился дурно и забыл то, чему его учили. Служение обществу? Это тоже обман, потому что на службе он ничего не делал, жалованье получал даром и служба его — это гнусное казнокрадство, за которое не отдадут под суд.

Истина не нужна была ему, и он не искал её, его совесть, околдованная пороком и ложью, спала или молчала; он, как чужой или нанятый с другой планеты, не участвовал в общей жизни людей, был равнодушен к их страданиям, идеям, религиям, знаниям, исканиям, борьбе, он не сказал людям ни одного доброго слова, не написал ни одной полезной, не пошлой строчки, не сделал людям ни на один грош, а только ел их хлеб, пил их вино, увозил их жён, жил их мыслями и, чтобы оправдать свою презренную, паразитную жизнь перед ними и самим собой, всегда старался придавать себе такой вид, как будто он выше и лучше их. Ложь, ложь и ложь...

У молодой, слабой женщины, которая доверяла ему больше, чем брату, он отнял мужа, круг знакомых и родину и завез её сюда — в зной, в лихорадку и в скуку; изо дня в день она, как зеркало, должна была отражать в себе его праздность, порочность и ложь — и этим, только этим наполнялась её жизнь, слабая, вялая, жалкая; потом он пресытился ею, возненавидел, но не хватило мужества бросить, и он старался всё крепче опутать её лганьем, как паутиной... Остальное доделали эти люди»⁹.

⁷ Ясперс К. Философия. Т. 2. Просветление экзистенции. М.: Канон+, 2011. С. 314.

⁸ Там же. С. 315.

⁹ Чехов А.П. Дуэль [Электронный ресурс] // http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0070.shtml#17.

Только после испытания смертью Лаевский перестаёт «убегать за идеалами» и начинает действовать, работать, по крупицам выправляя мир вокруг себя, взявшись *быть здесь* по-настоящему.

Быть здесь, пройдя через кризис и отчаяние — почти неисполнимая задача для тех, кого пограничная ситуация привела к полному разрушению личного мира, потере семьи, разочарованию в морали и спасении, в предполагаемом справедливом и разумном мироустройстве. Больше надеяться не на что и не на кого, и нужно продолжать делать выбор и строить планы. Не потому, что жить хочется, а потому, что *нужно*. Кому-то помогает подняться чувство долга, но в ряде случаев и «выраженное» чувство долга кажется человеку бессильным. Например, для дочери, всё детство мечтавшей примирить родителей: когда она выросла, то отдала все силы и средства на то, чтобы за несколько лет построить общий дом, в котором все могли бы быть вместе, жить, отдыхать. Когда дом был закончен, они провели вместе одно лето — в тот же год и отец, и мать внезапно умерли от инфаркта. Мгновенно и жутко, на улице, среди чужих людей, так что никто друг с другом не успел попрощаться. Тогда для этой женщины, потерявшей семью, в мире не осталось никакой справедливости, высшей силы, всеобщей любви — она рассказывала, что пыталась покончить с собой, но не смогла. Осталась жить только потому, что смерть оказалась ещё ужаснее. И ничто не дало ей нового смысла или надежды. С годами стало только приходить убеждение, что раз уж мы здесь — остаётся бороться с собой, выживать и работать, другого выхода нет.

Есть ситуации, страшные прошлым, а есть пограничные — страшные будущим. Кажется, все мы сознаём, что будущее недоступно, и каждого может ждать самая печальная и неожиданная развязка, но где-то в глубине души надежда на чудеса остаётся. Как, например, у той счастливой пары «за сорок»: муж с женой мечтали о ребёнке, после долгого и трудного лечения смогли зачать и радовались каждому мгновению — пока не узнали, что ещё не рождённый малыш должен получить свой подарок судьбы: болезнь Дауна. Невозможно представить, что переживала будущая мать, как она принимала решение — оставлять ребёнка жить или убить его, растить калеккой или избавить от мучений, истерзаться и возненавидеть жизнь — или любить, любить, во что бы то ни стало. Представить и исполнить для ребёнка не ту жизнь, о которой мечтали родители, а пугающую и неизвестную, всю заново... Помощь для них, безусловно, найдётся, но в этот первый момент — одной матери остаётся *решать*, и не существует подсказки. Надежда может оставаться

только в мифе — и тогда люди обращаются к магам и гадалкам, идут на сделки с колдунами, ищут мистического мудреца. Такая сцена со старцем была показана, например, в начале фильма «Остров», где монах, герой П.Н. Мамонова, прогоняет девушку, пришедшую просить благословения на аборт: «Да что ты придумала?! Замуж тебя и так никто не возьмёт, я вижу... А парень-то у тебя родится — золотой!». Точно так же не сомневается в словах старца Зосимы и Алёша Карамазов, которому объявляется его судьба: «Пойдешь в мир, и в миру пребудешь как инок». Но в жизни на всех чудес не хватает, мы остаёмся заброшенными в реальность в абсолютной свободе и незащищённости.

В этом смысле современное состояние человека для меня лучше всего выразили экзистенциалисты. Реальность неизбежно приводит мысль к безнадежным противоречиям и парадоксам, которые невозможно ни понять, ни предвидеть. Фон Больнов пишет, что «предшествующее, прежде всего идеалистическое и романтическое, ощущение доверительности и защищённости человека в его мире рушится, и мир является человеку в совершенно неведомой доселе тревожности и чуждости, угрозе и опасности, которые на него набрасываются и которые ему необходимо выдержать»¹⁰. Он приводит в пример романы Ф. Кафки, с их абсурдными и необъяснимыми для персонажей мирами немислимых законов, необъяснимой вины и полной потерянности. Как у Ж.-П. Сартра в романе «Тошнота», герой должен пройти через скуку, уныние, тоску, отказ от собственной призванности, отвращение и отчаяние, для того чтобы пережить наконец свою пограничную ситуацию, своё перерождение. Рокантен выходит из состояния сумрачной бессмысленности только с идеей создания романа.

Свободный выбор без оправданий и без опоры оставляет человеку только один путь — опереться на самого себя, изобретая собственный закон, свой проект, направленный в будущее. Ж.-П. Сартр считал, что всякий человек в своей заброшенности и оставленности в мире постоянно выбирает своё бытие, изобретает его заново, и даже если он советуется с кем-то или истолковывает для себя знаменья — выбор советчика или само толкование заранее определены глубинной позицией человека, ищущего ответ на свои вопросы. Человек не может во всём рассчитывать на других, ведь они тоже свободны, как и он, выбирать реальность своего бытия, отказываться от обещаний, менять позиции, быть не только верными соратниками, но и предателями.

¹⁰ Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма [Электронный ресурс] // <http://elenakosilova.narod.ru/studia/bollnow.htm>.

«Значит ли это, что я должен отдаться бездействию? Нет. Просто я, не питая иллюзий, буду делать то, что смогу. <...> Человек существует лишь настолько, насколько себя осуществляет. Он представляет собой не что иное, как совокупность своих поступков, не что иное, как собственную жизнь. Отсюда понятно, почему наше учение внушает ужас некоторым людям. Ведь у них зачастую нет способа переносить собственную несостоятельность, как с помощью рассуждения: «Обстоятельства были против меня, я стою гораздо большего. Правда, у меня не было большой любви или большой дружбы, но это только потому, что я не встретил мужчину или женщину, которые были бы их достойны. Я не написал хороших книг, но это только потому, что у меня не было досуга. У меня не было детей, которым я мог бы себя посвятить, но это потому, что я не нашел человека, с которым мог бы пройти по жизни. Во мне, стало быть, остаются в целостности и сохранности множество неиспользованных способностей, склонностей и возможностей, которые придают мне значительно большую значимость, чем можно было бы судить только по моим поступкам». Однако в действительности, как считают экзистенциалисты, нет никакой любви, кроме той, что создаёт саму себя; нет никакой «возможной» любви, кроме той, которая в любви проявляется. <...> Человек живёт своей жизнью, он создаёт свой облик, а вне этого облика ничего нет. Надо, чтобы люди поняли, что в счёт идёт только реальность, что мечты, ожидания и надежды позволяют определить человека лишь как обманчивый сон, как рухнувшие надежды, как напрасные ожидания, то есть определить его отрицательно, а не положительно»¹¹. Экзистенциалисты полагали, что героями и трусами не рождаются, а становятся — в личном действии или бездействии — и что каждый способен стать другим. Важна именно решимость, которая захватывает человека полностью — а не одна робкая попытка.

Пограничная ситуация ставит человека в такое положение, что откладывать решение, кем ему быть, он больше не может, гармония тихого комфортного существования исчезает без следа. Нельзя продолжать внушать себе: «Я буду человеком — как-нибудь потом, я не готов так сразу! Я этого не вынесу, я не способен!». Как говорила женщина, брошенная мужем — без средств, без работы, с грудным младенцем и пятилетним сыном-аутистом на руках: «Я не могу позволить себе депрессию». Необязательно жить «на грани нервного срыва», но если человек старательно избегает кризисов и сложных решений, он постепенно

тонет в болоте повседневности, которое затягивает его всё глубже. Со временем оно разлагает человека, растаскивает его сознание на части — как у главного героя в фильме «Синекдоха».

Эмоциональное онемение становится неизбежным исходом, когда человек решает «задавить» свои чувства, перестаёт прислушиваться к себе — ведь, в конце концов, одни чувства ничего не решают. Но на самом деле, как писал К. Ясперс, мотивы даже самого рационального нашего поступка *укоренены в чувстве*: любой серьёзный выбор для нас содержит в основе глубокий эмоциональный опыт, который мы можем даже не осознавать. К тому же наши эмоции и чувства напрямую связаны с ценностями, они влияют на нашу мотивацию и выбор. Ценность — это то, на что мы реагируем эмоционально, что на нас *действует*. Ценности у человека существуют всегда, даже если они негативны; человек, искренне убежденный в своей правоте, может отстаивать самые гнусные ценности весьма эмоционально — достаточно вспомнить монологи «подпольного человека» у Ф.М. Достоевского.

Чем меньше ценностей в жизни, тем беднее и эмоциональный мир. Равнодушие и потеря контакта с чувствами бывают следствием многих причин, которые в изобилии предоставляет человеку современная цивилизация. Случается иногда банальное: человек просто опускает руки, считая, что ему не за что и незачем бороться в жизни — как те «вечные подростки», которые всю жизнь продолжают сидеть на шее у родителей, не чувствуя призыва к отделению и самостоятельности, тем более если их существование обеспечено. Бывает, что эмоциональное бесчувствие возникает как реакция на бесконечный поток страданий и катастроф, которые преподносят средства массовой информации. При этом переход к обычным рутинным новостям происходит мгновенно — людям некогда пережить и осмыслить случившееся. Появляется привычка, своего рода устойчивость к страданию и боли, которые становятся жизненной нормой. Те же, кто занимается по роду службы технической работой, могут вообще игнорировать эмоциональное понимание своих действий и ситуации в целом. Бесчувствием и равнодушием люди защищаются от манипуляции, от ежедневной агрессии и хамства, и так же безучастно и равнодушно готовят себя к ежедневным «ролевым представлениям», которые необходимы в современном мире.

Жизнь в современном обществе — невротична. Обычным критерием душевного здоровья считается правильное, удобное для всех приспособление человека к современной культуре. Приспособлен скорее всего тот, кто сдался в борьбе за независимость и полностью согласился с оценками большинства. Достоинство че-

¹¹ Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов: Сборник. М.: Политиздат, 1989. С. 333.

ловека больше зависит не от его внутренних качеств, а от того, сколько стоят его способности и как он может встроить себя в иерархию общего «муравейника». Но, как писал Э. Фромм: «если кто-то нарушает свою моральную и интеллектуальную цельность, то ослабляет или даже парализует свою личность. Он несчастлив и страдает. Если его способ жизни одобряется культурой, страдание может не осознаваться или осознаваться как что-то, никак не связанное с его реальной проблемой. Но, независимо от того, что он думает, душевное здоровье не может быть отделено от основной человеческой проблемы — достижения целей человеческой жизни: независимости, цельности и способности любить. «Приспособленный человек», в моём смысле слова, — это человек, который выставляет себя товаром, в нём нет ничего устойчивого, определённого, кроме потребности доставлять удовольствие и готовности менять роли. Пока ему это удаётся, он в какой-то степени находится в безопасности; но измена высшему Я, человеческим ценностям ведёт к внутренней пустоте и непрочности, которые проявятся, как только что-то пошатнется в его борьбе за успех. Однако даже если всё обойдётся, он заплатит за свою человеческую неудачу язвами желудка, болезнями сердца или любыми другими болезнями, вызванными психическими причинами. Человек, который достиг внутренней силы и цельности, часто не столь удачлив, как его неразборчивый сосед, но у него есть уверенность в себе, способность суждения и объективной оценки, и поэтому он гораздо менее уязвим для меняющихся времен и чужих мнений; и это во многом способствует его конструктивной работе»¹².

Для того чтобы вырваться из порочного круга предложения и продажи обществу фрагментов собственного «Я», человеку нужно обратиться к самому себе, найти свою истину и цельность. Но как узнать правду о собственных чувствах? Что было пережито подлинно, на самом деле? Какой вывод был сделан из пережитого опыта, из совершённого поступка? Можно же посчитать трусость — скромностью, жадность — любовью, равнодушие к другим — дипломатичной сдержанностью. Прежде чем что-то сделать с чувством, нужно назвать его настоящее имя. Только то, что точно определено, подчиняется человеческой воле; как говорил М.К. Мамардашвили: «Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно». А из неистинных чувств складывается и фальшивый образ: в таком случае самого себя изменить не удаётся, этот неподлинный человек никогда и никем не может стать, его нет. Но как отличить истину от лжи в самом себе? Действительно ли, как сказал Андре Жид,

чувства, которые изображают и испытывают, почти неразличимы? То, что ты только что пережил — что оно *означает*, что было в случившемся истиной для тебя? Человек далеко не всегда успеваешь разобраться в своих чувствах, прояснить собственные состояния и мотивы. Интересно, как на эту проблему смотрел Эрих Фромм в работе «Психоанализ и религия»:

«Психоанализ показал, что субъективная убеждённость ни в коем случае не является достаточным критерием искренности. Человек может верить, что действует из чувства справедливости, но его настоящий мотив — жестокость. Он может верить, что его мотивом является любовь, но на самом деле им движет стремление к мазохистской зависимости. Человек может верить, что им руководит долг, хотя основной его мотив — тщеславие. Человек не только хочет, чтобы другие верили в его рационализации, но и сам верит в них; и чем больше он хочет защитить себя от осознания своей истинной мотивации, тем сильнее должен в них верить. Далее, в процессе психоанализа человек начинает понимать, какие из его идей имеют эмоциональную матрицу, а какие — условные клише, лишённые корней в структуре его характера и не имеющие субстанции и веса. Психоаналитический процесс сам по себе есть поиск истины. Целью этого поиска является истина о феноменах — но о феноменах не внешних, а внутренних. Его принцип заключается в том, что душевного здоровья и счастья нельзя достичь, если мы не подвергнем тщательному изучению наше мышление и чувство и не установим, где мы рационализируем, а где наши убеждения коренятся в чувстве»¹³.

Самое страшное преступление, которое человек может совершить против самого себя — отказаться от способности любить, уйти в свой личный ад, закрывшись от мира в самоотчуждении. Такая невротическая личность теряет способность заботиться о других, уважать и понимать их, желать, чтобы люди развивались. Целью аналитического процесса, по Э. Фромму, становится возвращение способности любить: созидательно, без жадности, повиновения и господства.

Пока что, за пределами осознанности и самоанализа, мы чаще всего обманываемся в собственных чувствах, живём не по своей правде. Экзистенциалист сказал бы, что узнать себя можно только в контакте с другим — только услышав ответ собеседника можно узнать, что именно было сказано тобой. Как писал Ж.-П. Сартр, чтобы получить какую-то истину о себе, я должен пройти через другого. Для К. Ясперса ключом к истине и настоящей близости становится экзистенциальная коммуникация: подлинное, прямое общение

¹² Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов: Сборник. М.: Политиздат, 1989. С. 192.

¹³ Там же. С. 194.

людей, искренняя встреча личностей, не обусловленная формами социального регламента, вне условностей и привычных защитных схем, встреча лицом к лицу без страха. «Могут ли два человека поговорить с открытым сердцем?», — спрашивал своего полководца Калигула в одноименной пьесе А. Камю. Он хотел слышать голос друга, быть на равных, выйти из социальных ролей, из той общепринятой реальности, которая кажется несокрушимой и безусловной, без единой лазейки для человеческой души. Искренность и честность остаются условиями самой удивительной человеческой близости: если человеку посчастливилось хоть раз в жизни испытать это чувство, основу доверия, принятия, любви и дружбы, он никогда его не забудет и будет готов искать и раскрывать его для других снова и снова.

Экзистенциальная коммуникация, по К. Ясперсу, это борьба за доверие: «Здесь раскрывают все карты и не практикуют решительно никакой расчетливой сдержанности. Всякий проникает вместе с другим в глубину самого себя. Это не борьба между собою двух экзистенций, не совместная борьба против себя самого и другого, но борьба единственно лишь за истину. Там, где одерживает победу обладающий более сильными психическими орудиями, там, где становится возможной даже софистика, — коммуникация прекращается. В экзистенциальной борьбе коммуникаций каждый предоставляет *всё* в распоряжение *другого*. В коммуникации не может остаться без ответа ни один вопрос, который, как мы чувствуем, имеет значение. Экзистируя, я принимаю всерьёз выражение, которое слышу, в тонкостях его особенности, и реагирую на него, — и там, где другой задаёт вопрос сознательно, пусть и косвенно, и желает получить ответ, и там, где он, собственно, инстинктивно хотел умолчать о чём-то и вовсе не искал ответа, но теперь должен его слышать. То, что говорю я сам, подразумевается как вопрошание; я хочу слышать ответ, но никогда не желаю только уговорить или навязать. Держать ответ перед другим без всяких границ — свойство подлинной коммуникации. Если ответ не получается в то же мгновение, он остаётся задачей, о которой не забывают»¹⁴.

В том, как описывает состояние подлинной близости К. Ясперс, кто-то узнает дружбу, кто-то — любовь, а кто-то, возможно, вообще никогда не бывал с другим человеком в полной открытости. Отчаянная решимость и готовность к страданию, к непониманию или предательству — вот что понадобится человеку для настоящего путешествия к другому и самому себе. Избегать боли нельзя — только боль может стимулировать

начало изменений, она всегда поддерживает решения совести и помогает выстроить путь к настоящим ценностям. К полному принятию и проживанию боли человека готовят экзистенциальные аналитики: только так он станет самим собой и только в этом найдёт силы для независимой, самостоятельной и открытой жизни. Осмелиться стать, а не быть, каким родился, пожелать иметь собственную жизнь.

Мигель де Унамуно писал о своём герое: «Конечно, встретятся люди, которые поставят Дон Кихоту в вину, что он вновь вырвал Санчо из его спокойной и неторопливой жизни, удалил от мирного труда и обрёл на разлуку с женой и детьми, на погоню за обманчивыми приключениями... Существуют мелочные души, которые в этом случае утверждают, что лучше быть сытой свиньёй, чем несчастным человеком; есть и такие, которые на все лады превозносят святую простоту. Но лишь тот, кто однажды познал человечность, тот предпочитает её — будучи сам глубоко несчастным — сытости свиньи. Поэтому его последователям нужно содержать души в беспокойствии, будоража их в глубочайших глубинах... Нужно лишать души спокойствия и разжигать в них могучую тоску, даже будучи убеждённым в том, что они никогда не достигнут цели своего стремления. Нужно выманить Санчо из его укрытия, оторвать от жены и детей и вести, тащить к поиску приключений: его нужно сделать человеком. Существует глубокий, самодовлеющий, внутренний покой, и этот покой достигим лишь в том случае, если отделаться от кажущегося покоя домашнего мира и сельской жизни»¹⁵.

Каждый человек остаётся загадкой для себя самого до последнего дня собственной жизни. Как писал Г.С. Померанц, остаётся делать выбор так, чтобы на тебя не влияло внешнее, всегда оставаться только собой, не врать себе в первую очередь. Иметь опору, которая *только внутри* может быть, по выражению Г.С. Померанца — «как у звезды на небе». «Учись падать и держаться ни на чём, как звёзды»¹⁶. Никакая внешняя сфера для человека не окончательна; человек не знает себя, не знает мир — его тревога тотальна и постоянна. Остаётся быть только в подлинности своих переживаний, удерживая в этом единственный контакт между миром и самим собой. Отважиться быть близким без всяких гарантий. Придать смысл своим страданиям, «именем закрывая пропасть».

¹⁵ Унамуно М. Житие Дон Кихота и Санчо [Электронный ресурс] // <http://lib.rus.ec/b/356612>.

¹⁶ Померанц Г.А. Подступы к Преображению [Электронный ресурс] // <http://magazines.russ.ru/continent/2003/116/pom.html>.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. О жестокости и боли // Судьба России. М.: Эксмо, 2007.
2. Больнов О.Ф. Философия экзистенциализма [Электронный ресурс] // <http://elenakosilova.narod.ru/studia/bollnow.htm>
3. Гуревич П.С. Философская антропология. М.: Омега-Л, 2008.
4. Достоевский Ф.М. Записки из подполья [Электронный ресурс] // http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0290.shtml.
5. Камю А. Калигула // Камю А. Избранное. М.: Радуга, 1989.
6. Кафка Ф. Процесс [Электронный ресурс] // <http://www.lib.ru/KAFKA/process.txt>.
7. Лэинг Р. «Я» и другие [Электронный ресурс] // http://www.koob.ru/leing_ronald/.
8. Померанц Г.А. Выход из транса. М.: Юрист, 1995.
9. Померанц Г.А. Подступы к Преображению [Электронный ресурс] // <http://magazines.russ.ru/continent/2003/116/pom.html>
10. Сартр Ж.-П. Тошнота [Электронный ресурс] // <http://lib.rus.ec/b/145395>.
11. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов: Сборник. М.: Политиздат, 1989.
12. Унамуно М. Житие Дон Кихота и Санчо [Электронный ресурс] // <http://lib.rus.ec/b/356612>.
13. Франкл В. Человек в поисках смысла [Электронный ресурс] // <http://www.lib.ru/DPEOPLE/frankl.txt>.
14. Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов: Сборник. М.: Политиздат, 1989.
15. Чехов А.П. Дуэль [Электронный ресурс] // http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0070.shtml#17.
16. Шестов Л.И. Достоевский и Ницше. Глава XXIX [Электронный ресурс] // <http://philosophy.ru/library/shest/dost/30.html>.
17. Ясперс К. Философия. Т. 2. Просветление экзистенции. М.: Канон+, 2011.

References (transliteration):

1. Berdyayev N.A. O zhestokosti i boli // Sud'ba Rossii. M.: Eksmo, 2007.
2. Bol'nov O.F. Filosofiya ekzistentsializma [Elektronnyy resurs] // <http://elenakosilova.narod.ru/studia/bollnow.htm>.
3. Gurevich P.S. Filosofskaya antropologiya. M.: Omega-L, 2008.
4. Dostoevskiy F.M. Zapiski iz podpol'ya [Elektronnyy resurs] // http://az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0290.shtml.
5. Kamyu A. Kaligula // Kamyu A. Izbrannoe. M.: Raduga, 1989.
6. Kafka F. Protsess [Elektronnyy resurs] // <http://www.lib.ru/KAFKA/process.txt>.
7. Leing R. «Ya» i drugie [Elektronnyy resurs] // http://www.koob.ru/leing_ronald/.
8. Pomerants G.A. Vykhod iz transa. M.: Yurist, 1995.
9. Pomerants G.A. Podstupy k Preobrazheniyu [Elektronnyy resurs] // <http://magazines.russ.ru/continent/2003/116/pom.html/>
10. Sartr Zh.-P. Toshnota [Elektronnyy resurs] // <http://lib.rus.ec/b/145395>.
11. Sartr Zh.-P. Ekzistentsializm — eto gumanizm // Sumerki bogov: Sbornik. M.: Politizdat, 1989.
12. Unamuno M. Zhitie Don Kikhota i Sancho [Elektronnyy resurs] // <http://lib.rus.ec/b/356612>.
13. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla [Elektronnyy resurs] // <http://www.lib.ru/DPEOPLE/frankl.txt>.
14. Fromm E. Psikhooanaliz i religiya // Sumerki bogov: Sbornik. M.: Politizdat, 1989.
15. Chekhov A.P. Duel' [Elektronnyy resurs] // http://az.lib.ru/c/chehow_a_p/text_0070.shtml#17.
16. Shestov L.I. Dostoevskiy i Nitsshe. Glava XXIX [Elektronnyy resurs] // <http://philosophy.ru/library/shest/dost/30.html>.
17. Yaspers K. Filosofiya. T. 2. Prosvetlenie ekzistentsii. M.: Kanon+, 2011.